

Как познакомил заслуженный художник России К.И. Шихов.

Как-то вечером сидели мы с Кимом Ивановичем в его мастерской в Кузнечихе, пили водку, настоенную на кедровых орешках (удивительный это напиток получался в приготовлении Шихова), и вот хозяин мне говорит:

— Знаешь, недавно познакомился я с одним чудачком (так Ким называл тех людей, которые чем-то его в хорошем смысле удивили, были приятны в общении), он раньше большой пост занимал в строительной отрасли, но теперь, выйдя на пенсию, вернулся к увлечению юности — пишет картины. Встретились мы случайно...

Тут Шихов рассказал, как однажды возвращаясь из Автозаводской школы искусств, где тогда преподавал детям уроки мастерства, разговорился с подвозившим его домой шофером, и тот, узнав, что везет художника, предложил заехать в посёлок Горбатовку к его знакомому, тоже занимающемуся живописью, чтобы они познакомились, а заодно Ким Иванович посмотрел его работы. Шихов согласился, и оказался несколько удивлён, увидев большие свободные копии знаменитых картин, выполненных А.Ф. Важневым с собственных фотографий, сделанных в Лувре, где он бывал два раза, и в Ватикане. Это картины Геррит ван Хонтхорста «Поклонение пастухов» и Франческо Манчини «Отдых на пути в Египет».

— Нет, этот человек не случаен в живописи. Конечно, ещё нужно работать, но у него есть и несомненные способности, — сказал мне тогда Ким.

— А самостоятельные работы?

— Есть, и в них виден собственный узнаваемый стиль.

— Тогда давай опубликуем репродукции его картин на обложке «Вертикали. XXI век».

— Хорошо, я это предложу. А ещё попрошу помочь — он добрый человек, многим помогает, а уж тебе на общее дело (как ты только выдержишь, чтобы в подобных условиях издавать журнал) тем более надо.

Больше мы в этот вечер, как, впрочем, и в последующие, к живописи Важнева не возвращались.

Тут мне хочется немного отвлечься от изначально заявленной темы и вспомнить о тех наших с Шиховым вечерах, что проводили мы за беседами в его мастерской на шестом этаже за длинным досчатый столом, собранным из толстых плах, выкрашенных тёмной коричневой краской. Стол был сконструирован Кимом (идею подсмотрел в каком-то питейном заведении в Москве) и выполнен по заказу художника. Это было удивительное по взаимной приязни и заинтересованности общение.

Я, конечно же, знал Шихова давно — в городе это известный живописец, к тому же друживший с некоторыми писателями. Как-то даже я

побывал у него в мастерской вместе с писателем Валентином Николаевым, которому Ким показывал недавно законченный его портрет. Но личное наше знакомство случилось не так давно — лет десять назад. На открытии одного из осенних вернисажей нижегородских художников я подарил Шихову свежий номер журнала «Вертикаль. XXI век». И, что называется, попал в точку. Ким Иванович оказался страстным читателем. Все подаренные мной и моими друзьями книги он просто «проглатывал» и не единожды благодарил за то, что я вернул его к чтению литературы.

Но по вечерам в мастерской, когда тушился свет в большой комнате, где стоял мольберт с незаконченным холстом (творил Ким Иванович не переставая, сюжетных замыслов он держал в своей голове огромное множество), а на полу у стен стояли уже известные многим картины, мы садились за стол в соседней комнате с более низким потолком, зажигали свечи на подсвечнике, разливали по рюмкам водку и часами говорили о литературе, политике, искусстве, истории, вспоминали своё прошлое и многих знаменитых нижегородцев...

— Странно, — говорил не единожды Ким, — так легко с тобой говорить, будто мы всю жизнь друг друга знаем.

Мне неоднократно приходилось слышать подобную фразу от других известнейших, умнейших людей, и я этим чрезвычайно дорожу, такое отношение ко мне с благодарностью храню в сердце. Это невероятный подарок судьбы, когда можешь общаться — общением с замечательными, талантливейшими творцами в самых разных сферах деятельности — от политики и науки до искусства и литературы.

Вот и с Кимом мы как бы шаг за шагом узнавали друг друга, сближались, и от этого узнавания и сближения нам обоим было хорошо, тепло на душе.

То же самое происходило в дальнейшем и с возникшей между нами дружбой с Александром Фёдоровичем Важневым.

В один из дней Шихов позвонил мне в редакцию и попросил зайти в мастерскую.

— абери диск с фотографиями произведений того художника, о котором я тебе говорил.

Так на обложке 36-го выпуска «Вертикали. XXI век» появились репродукции картин «На Волге. Вид на Макарьевский монастырь» (2010) и «Зима, п. Горбатовка» (2007). Позже мы ещё не раз обращались к творчеству Важнева. Его работы добродетельно были встречены читателями журнала. Но тогда, после первой публикации мы впервые с Важневым пожали руки друг другу в летней мастерской Шихова в деревне Бурцево.

День выдался прохладным, дождливым. Ким позвал меня, чтобы сделать некоторые наброски для моего портрета, который задумал написать, но сюжет картины (кто знаком с творчеством этого художника, тот знает, что Шихов почти не пишет «стандартных» портретов, у него большей частью это картина с особым сюжетом, интерьером, не сразу открывающейся зрителю подоплёкой) от меня самого держал в строжайшей тайне. Вот тогда и приехал в Бурцево Важнев. И за столом под навесом, что укрывал нас от мелкого, нудного дождя, я впервые услышал о непростом жизненном пути этого человека.

Александр Фёдорович Важнев родился в деревне Светлушка (которая сейчас уже исчезла с лица земли — сгорела) в лесной Заволжской стороне в тридцати километрах от реки Ветлуги в семье русских крестьян, из которых отец Фёдор Николаевич стал лесником, а матушка Евдокия Ивановна выучилась водить трактор, возглавила тракторную бригаду в местном МТС. Отсюда с самого раннего детства выработалась у Александра привычка к труду — на огороде, в поле, в лесу. Отец, чтобы прокормить большую семью, и сам покоя не знал, и сыновьям с дочерьми спуску не давал. А было детей пять человек — двое мальчишек и три девочки. Александр среди них старший — начит, за всё ответчик, первая опора отцу в трудах. В трудах не абы каких, а ответственных. Недаром

сын по сию пору вспоминает напутствие отца: «У Важневых брака быть не может». Всё делалось на совесть, чтобы перед людьми не стыдно было.

Но в это же время что-то подспудно тянуло паренька к рисованию. С учёбы в начальных классах сельской школы случайно сохранился у Важнёва рисунок карандашом, позднее увидев который К.И. Шихов и отметит, что безусловные задатки художника у мальчишки были с рождения.

Однако о том, чтобы посвятить себя искусству, Александр даже и не помышлял. После окончания сначала четырёх классов в школе родного села, затем восьмилетки в школе села соседнего, отправился он доучиваться в районный центр Воскресенское. Получив аттестат об окончании средней школы, пошёл «в люди» — стал работать в литейном цехе Горьковского автомобильного завода, лить из серого чугуна детали (тяжелейшая работа, требующая многих физических сил, выносливости и терпения), жить в заводском общежитии. Оттуда из цеха ушёл служить в ряды Советской Армии.

О работе на Автозаводе Александр Фёдорович вспоминает с теплотой. Хороший там был коллектив — истинный рабочий класс, не шкурники, помогали и поддерживали друг друга. Потому, отслужив в армии, Важнев и вернулся в литейку. Чтобы дать парню возможность жизненного и трудового роста, отправили его от завода на рабфак в Горьковский политехнический институт им. Жданова. Там и встретил студент свою любовь. Создалась семья (с супругой Риммой Васильевной они вот уже многие десятилетия вместе), пришлось задуматься о «своём угле». Быстрее всего квартиру можно получить, работая на стройке. Так стал Александр Фёдорович строителем, окончил техникум, но и институт не бросил — везде успел. В трудах своих за десятилетия достиг Важнев больших высот — много чего построил (чем заслуженно гордится), организовал крупнейшее предприятие, в котором трудились тысячи человек, занял высокие должности, был избран депутатом (и тут откликался на просьбы избирателей, помогал им, чем мог — строил дороги, ремонтировал школы...), растил своих дочерей. Много забот, и казалось, до творчества ли тут.

Но не уходила из его души тяга к художеству. Может потому, что ещё с детства, с молодости любил поэзию, знал наизусть стихи русских классиков от Пушкина до Есенина. Великая это тайна — творческое начало в человеке. Где оно зарождается и скрывается до времени — в сердце, в душе, в интеллекте? Нет на это ни у кого ответа. Ни одна наука не смогла проникнуть в эту тайну, ибо не от человека всё это происходит, а от Бога. Потому и говорят чаще всего, если хотя бы выделить особенности какого-то человека, что у него Божий дар. Иными словами — дарована эта особенность Богом, от Бога.

И вот как-то однажды буквально за вечер и ночь (не мог остановиться, пока не закончил работу) написал Важнев с репродукции копию картины Франца Ханфштенгля, при этом пережив такие чувства, что и спустя годы отголоски их волнуют. Это было открытие чего-то внутри себя, в своей душе, в сердце. Вот с тех пор изобразительное искусство и стало целью его жизни.

Когда первый раз я попал в гостеприимный и хлебосольный дом Важнева, то был удивлён обилию картин на стенах. Тут и произведения друзей-художников (К. Шихова, В. Ерофеева), но много и работ самого хозяина.

Александр Фёдорович пробует свои силы в самых разных жанрах — от пейзажа и натюрморта — до сюжетных картин и портретов. Иногда ему непосредственно удаётся передать то взволнованное чувство, что испытал он сам от увиденного или понятого. В первую очередь я тут имею в виду незаконченную картину, посвящённую Дню Победы, которую начал создавать художник после прошедшего митинга у стелы памяти павшим в скверике своего посёлка.

В изобразительной технике Важнева есть что-то абсолютно индивидуальное, неповторимое, своё — мягкость, проникновенность, что ли. Я уже упоминал, что на обложке журнала «Вертикаль. XXI век» мы продол-

жили публикацию работ Александра Фёдоровича. Так вот, и его празднично-красочная «Зимнее утро», и философичная «Ночь раздумий», и серия созерцательных городских пейзажей «Зеленский съезд», «Нижний Новгород», «Нижний Новгород. Вид с реки» — все они неизменно приводили в восхищение моих коллег-писателей, издателей литературных журналов, когда они видели их на обложке «Вертикали». Потому-то мы и искренне гордимся нашим сотрудничеством.

Не могу я не сказать и несколько слов о моём портрете, что написал Важнев в 2016 году, и который уже выставлялся в Нижегородском государственном художественном музее во время демонстрации там выставки «Земляки», что вот уже много лет подряд организует в Нижнем Новгороде и Москве талантливый человек, равнодушный, безмерно преданный искусству художник Алексей Степанович Фёдоров.

После того, как картина «Над речным раздолбем. Портрет Валерия Сдобнякова» (2013) была К.И. Шиховым завершена и показана на осеннем вернисаже в Нижегородском государственном выставочном комплексе на площади Минина и Пожарского, Александр Фёдорович заявил: «Я тоже сделаю портрет Сдобнякова, и ещё посмотрим, чья работа окажется лучше».

Азартный Важнев человек, упорный, привыкший добиваться поставленной цели. В этом основа его характера, его дружбы. И вот создал совершенно другое по стилю, внутреннему состоянию, заложенным в нём задачах произведение. В обеих картинах я узнаю себя. Конечно же, не о внешнем сходстве тут речь, а о том, что и словами-то объяснить сложно, не сразу получится. Я узнаю характер, темперамент — хотя и в этом отношении картины Шихова и Важнева совершенно разные.

У каждого художника свой взгляд, своя оценка, своё понимание поставленных задач и опыт общения с героем картины. Всё это нашло отражение в созданных ими полотнах, за что я им искренне благодарен.

Вся полифония наших отношений с Александром Фёдоровичем Важневым отображена мною в дневниках «Искры потухающих костров. Разворачивая свиток времени». Это откровенная, для меня исповедальная книга. Не знаю, получится ли у меня её когда-то издать, будет ли она интересна ещё кому-то, кроме написавшего её автора. Не знаю, всё ли в ней понравится и художнику, потому-то здесь, в этой статье, как бы подводя некий промежуточный итог нашей дружбы, я хочу сказать, что люблю его как близкого мне человека, как брата, и потому надеюсь, что ещё смогу увидеть многие его новые картины.

Хочется мне в заключении вспомнить один особенный эпизод нашего общения. Поехали мы в начале осени 2015 года с Важневым на Ветлугу, в гости к художнику Владимиру Ерофееву. Замечательной оказалась эта поездка. Места от Воскресенского до деревни Сухоборка по правому берегу реки невероятно красивые. Тридцать километров дорога петляет, оставляя по пути деревни Задворки, Докукино, Галибиха — не названия, а запечатлённая сказка в слове. Но перед тем, как окончательно добраться до нашего пристанища на Ветлуге, заехали мы с Александром Фёдоровичем на старое кладбище районного центра, прошли к могилам его родителей. Почти у самого обрыва оказалась их ухоженная оградка. Внизу неспешно и напористо несла свои воды Ветлуга. Под обрывом росли деревья и разная зелёная поросль, а здесь наверху стоял человек и разговаривал со своими умершими родителями, как с живыми. И подумалось мне тогда — нет в мире смерти. Потому что и после нашего физического ухода с этой земли, остаются после нас наши дела, свершения, наше служение людям... Остаётся всё то, что мы называем одним коротким, но таким ёмким словом — память.

Жизнь удивительна. Она щедро одаривает нас встречами, талантами, переживаниями. Наша задача заключается только в одном — не упустить того, что тебе в качестве бесценного дара преподносит судьба.

*Нижний Новгород, июль 2018 года*